

*Кузнецова А. И.
(Россия, Москва)*

**ИЗМЕНЕНИЕ ГРАНИЦ ЭТНОЯЗЫКОВЫХ
ПРОЦЕССОВ В РОССИИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ
ПОЛТОРАСТА ЛЕТ
(ОТ ЛАПЛАНДИИ ДО ЕНИСЕЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)**

С историей развития и распространения русского языка теснейшим образом связано изменение границ распространения целого ряда уральских языков, носители которых на протяжении уже многих столетий проживают на огромной территории Крайнего Севера России по обе стороны Уральского хребта (от Лапландии до Енисея в Западной Сибири). Пришедшее из Швеции название Лапландия¹ (букв.: «страна/земля лаппов/саамов») в отечественной литературе обычно относится к территории Кольского полуострова, который на голландской карте XVI в. обозначен как «Лаппия» (при этом русские волости Терского берега в нее не входили). В Атласе 1745 г. Российской Лапландией на первой типографским способом напечатанной карте назван уже весь Кольский полуостров. Рассмотрение взаимоотношений этносов и изменений в их языках будет вестись в направлении с запада на восток, хотя это далеко не всегда соответствует реальному передвижению народов, которое нередко было встречным.

Народы, языки которых будут обсуждаться, являют собой то, что можно охарактеризовать как «судьбы скрещенья», говоря словами Б. Л. Пастернака. Речь идет и о переселении народов, и об их смешении в результате межплеменных браков, и о взаимном использовании опыта пришельцев и тех, на территории которых появился новый этнос, и о многом другом. Вместе с взаимопроникновением этносов неминуемо происходят изменения в их языках. При этом далеко не сразу удастся понять, что именно, в какой период, при каких обстоятельствах и в какой степени изменилось в судьбе того или иного этноса и в его языке. Облегчить понимание этих вопросов можно, обратившись к более древним периодам существования изучаемого этноса и его языка.

¹ Швед. Lapp ‘место’; фин. lappe, laprea ‘сторона’. Название этноса: швед. lappar, samear, фин. Lappalaiset, норв. Samear, finner, рус. Саами, лопари. В карельской огласовке Лапландия – Турья, Терь, Тре, Тарья.

* * *

В крайней северо-западной точке современной России уже в начале прошлого тысячелетия Тацит зафиксировал существование древних уральских племен, в частности **лопарей**, живущих на Кольском полуострове и в настоящее время². Их называли в разные исторические периоды то *дикая, лешая лопь* (т. е. некрещенные лопари), то *лапны, лопляне, лопари*, то *самь, сааме, саами* и т. д. В середине XIX в., по свидетельству М. А. Кастрена, **саамы** вели кочевой образ жизни на территории России, который в отдельных районах сохранялся вплоть до Второй мировой войны. Однако в период коллективизации почти все саамы были переселены в крупные пункты при ликвидации мелких, в результате чего происходило смешение говоров и диалектов. Более того, в XIX в. при усиливающемся притоке на север ссыльных из разных районов России Кольское мещанское общество не принимало в свою среду многих людей, сославшихся в Колу на поселение, и ссыльные приписывались к лопарским крестьянским обществам. Подобные «*приписные лопари*» были во многих местах (в Нотозерском, Кильдинском, Бабинском, Мотовском³ и других погостах, т. е. селениях), а поскольку лопарями иногда считали «все списочное население лопарских погостов», часто возникали ошибки [Алымов 1930а: 73]. В 1920-е гг. В. К. Алымов в целях планирования «хозяйственного и культурного развития лопарской народности» [Там же: 72] собрал все фамилии лопарей начиная с 1794 г. вплоть до 1929 г. По этим фамилиям он изучил расселение лопарей, приблизительное время их исчезновения или обрусения некоторых из них, а также упорядочил списки, выбросив из перечня людей нелопарской народности, но приписанных к лопарским погостам. В результате В. К. Алымову удалось отделить лопарей от других народностей. В записях все народности часто смешивались: так, за 1921–1928 гг. во многих карточках лопарей (в особенности Кольско-Лопарского и Понойского районов) в графе о народности стоит: «русский». По свидетельству того же В. К. Алымова, лопари соприкасались с русскими в своем хозяйственном быту часто и повсеместно, в то время как с коми-ижемцами

² Здесь и далее речь идет только об этнических группах саамов, проживающих на территории современной России, границы которой с Финляндией, когда в ее состав вошли инари и скольты, изменились в 1944 г.

³ Мотовский погост был с 1581 г. вотчинным владением Печенгского монастыря; до 1602 г. жившая здесь лопь платила дань и датским сборщикам [Ушаков 2001: 153].

и самоедами общение у лопарей было только на востоке, а с финнами, норвежцами, карелами – на северо-западе округа [Алымов 1930а: 76]. В 1930-е гг. на северо-западе проживали мотовские лопари и лютеране *фильманы* (< *финман* < норвежского *fin-bugden*), как называли лопарей норвежского происхождения, обитавших на Западном Мурмане и занимавшихся оленеводством [Ушаков 2001: 289]. Любопытную статистику приводит В. К. Алымов в работе «Лопари» [Алымов 1930б]: по его сведениям, во всем мире лопарей около 34 тыс.; из них 22 тыс. живет в Норвегии, 8,5 тыс. – в Швеции, 2 тыс. – в Финляндии и 1750 в СССР. По данным тома «Уральские языки» серии «Языки народов мира», всего саамов (лопарей) в Норвегии 27 тыс., в Швеции – около 17 тыс., в Финляндии – 4,5 тыс., в СССР – 1890, из них в РФ – 1835 (перепись 1989 г.), а по переписи 2002 г. саамов в России 1991 чел. [Керт 1993: 137].

Каждый народ (в том числе переселившийся в другие места или исчезнувший с лица земли совсем) оставляет следы своего пребывания в районе, где он когда-то жил.

По образному выражению Н. И. Надеждина, «...Земля есть книга, где история человеческая записывается в географической номенклатуре» [Надеждин 1837: 5]. Н. И. Надеждин свидетельствовал, что сохранившиеся топонимы Кольского полуострова на 80 % – саамские. К этому можно добавить сделанное через 100 лет наблюдение В. П. Вошинина в предисловии к «Географическому словарю Кольского полуострова», говорившего, что «особое внимание специалистов-языковедов должно привлечь очевидное во многих случаях сходство некоторых корней саамского языка с западноевропейскими» [Вошинин 1939] (имеются в виду прежде всего норвежский и шведский языки). Вместе с тем, при проникновении все большего числа русского населения в данные районы (в XIII в. это новгородский торговый капитал, затем – Москва в погоне за мехами и через посредство монастырей и церквей⁴), новые пришельцы не выдумывали названий, «они принимали существующие или по-своему их переделывали». Так, в XVI–XVII вв. селения *Кола*, *Умба*, *Вялозеро*, *Порья Губа*, *Поной-Тетрино*, *Кузрека*, *Кашкаранцы* названы по при-

⁴ Монастыри оказали большое влияние на быт саамов. По свидетельству Н. Ф. Королькова, писавшего о большом влиянии монастырей на быт саамов, «Печенгский район явился тем рубежом, на котором прекращалось влияние культуры скандинавов. ...Под влиянием христианства оказалась жреческая верхушка саамов, которые в древний пантеон включили и всех персон христианского культа» (Ф. 810. Д. 81. 31. Л. 28).

легающим рекам, как и рыбацкие становища (уже в период промысловой колонизации XIX в.).

При изучении топонимов обращают на себя внимание многочисленные расхождения в названиях населенных мест, возвышенностей, рек, озер, которые были выявлены топографической экспедицией в Ловозерском и Понойском районах; их списки сохранились в Мурманском областном архиве (МОА): р. *Ельск* и *Ельок*, *Черзьпак* и *Намчерьпахк*, *Вюнцпак* и *Вюнуурта*, *Паной* и *Поной*, *Тундра Ачириок* и *Тундра Ачерйок* и др. (Ф. 810. 1937/40. Оп. 52. Ед. хр. № 44. № 1). Ср.: *Кульйок* и *Кола (Рыбная река)*; *Левозеро* и *Лаезеро*, *Нотозеро* и *Нуотозеро*, *Маанселькэ* и *Маасельку*; *Терь*, *Тире*, *Терье*, *Тьре*, *Тре*; *Тренэс* «Терский мыс»; устар. *Терибирь*, соврем. *Териберка* и др. Что стоит за этими разночтениями: ошибки или описки в записи? Записи, сделанные от носителей разных говоров или даже языков, что не учитывали топографы? Не исключено, что возможен разный уровень владения языком опрашиваемых информантов (хотя в 1930-е гг. молодые еще владели родным языком) [ГАМО: Ф. 810. Арх. 52. Оп. 1. МОА (Мурманский областной архив)].

В архивных материалах встречаются не только топонимы, но и антропонимы (и – шире – наименования всех вновь прибывших людей), даваемые местным населением по имени приехавшего иностранца-исследователя. Например, в районе Варзуги после экспедиции Б. П. Риппаса 1894 г. местные саами долгое время называли всех исследователей *рипаса* (точно так же ненцы дали имя новорожденному ребенку *Немзя* в честь приехавшего в тот чум М. А. Кастрена, которого в Печорском крае звали *немец* [Истомин 1847: 104]).

Приведенные факты, касающиеся лопарской народности, свидетельствуют о тесных связях лопарей с русскоязычным населением, что, естественно, не могло не сказаться на их родном языке.

Уже в 1875 г. В. И. Немирович-Данченко в своей публичной лекции «Лапландия и лапландцы» в Санкт-Петербургском педагогическом музее говорил о хорошем знании русского языка лопарями (это, к сожалению, постепенно привело к усиливающемуся исчезновению родного языка):

«...удивляет необычайное знание этими инородцами русского языка. В тупе, куда зашли вы, все говорят без малейшего акцента. По способу выражений, по постройке фразы вы видите, что они и думают по-русски. Это общее явление. Лопари средних погостов превосходно знают русский язык, и только некоторые женщины и девушки не говорят на нем вовсе. Лопари создали даже несколько пословиц,

которые потом приняты русскими. В некоторых погостах я даже заметил необычайное явление. Кучки народу толковали между собою; издали кажется, что говорят по-русски, потому что поминутно звучат русские слова. Прислушайтесь – окажется, что их выражения состоят на половину из русского и на половину из своих слов. При этом усвоенными словами оказываются не те, каких не существовало в их языке, а самые обыкновенные: *сегодня, поехал, ушел, олень*.

– *Тирвана ту повздъ, брат милый?* – слышится вам, т. е. здоровы ли твои олени, брат милый?

– *Тирвань лиа вовздъ, Господним произволением*, т. е. здоровы пока Господним произволением...

– *Смотри – ааны польдесть енны*, т. е. смотри, нынче много волков.

– *Юммаль берегоишъ*, т. е. Господь сохранит» и т. д.

«Вообще податливость этого племени на усвоение себе оборотов и выражений чуждой речи замечательна. Лопари на границах с Норвегией и Швецией говорят своим отдельным языком, в котором слышится значительное влияние скандинавского; лопари, осевшие в Эйнаре и вообще близ Финляндии, усвоили себе характер финского языка. Мурманские лопари говорят, как уже было замечено, полурусским языком, и только некоторые терские во всей своей чистоте сохранили свою речь. Поддаваться влиянию русского языка лопари начали с тех пор, как стали строить избы. Еще при Петре они жили в вежах и говорили по-своему, вовсе не понимая наших промышленников. Лопари разных погостов часто не понимают один другого, и дипломатическим языком считается у них русский. До чего различаются наречия даже соседних погостов, видно из того, что общее выражение: *Приходи ко мне в гости* – у лопарей на Имандре произносится так, а у сонгельцев иначе. Самый язык лопарей отличается некоторой певучестью и очень приятен, когда его слышишь на просторе широкого озера, когда девичий голос словно отчеканивает короткие и слегка гортанные слова этого народа» [Немирович Данченко 1877: 73–76]. (*Приведенные примеры, к сожалению, плохо соответствуют сделанному автором утверждению.* – А. К.)

Среди лопарей в конце XIX в. встречались такие, кто был верен новгородской старине (это туломские лопари). «В одном предании говорится: *‘Без денег и чирей не вскочит’*». Эта фраза, по словам Немировича-Данченко, заимствована у лопарей колянами (жителями Колы). Живо также слово *ушкуйник*, а иногда есть и предания, в которых чувствуется влияние скандинавского культа [Немирович-Данченко 1874: 362].

В настоящее время основная масса саамов живет в с. Ловозеро, где имеется филиал Мурманского краеведческого музея, национальный центр культуры, кольско-саамское радио и телевидение.

В начале XXI в. сюда стали приезжать из-за рубежа исследователи саамского языка, для того чтобы поделиться опытом обучения саамскому языку. Одновременно они пытались даже учить детей их родному языку, проводя нечто вроде курсов по изучению родного кильдинского диалекта. В школе родной язык не преподают. Записи текстов на других диалектах (например, нотозерском) затруднены, поскольку территория распространения данного диалекта превращена в водохранилище, а носители его разбросаны по другим селениям.

Обращает на себя внимание, что порою саам, говорящий на родном языке, утверждает, что он не верит в древние приметы и правила поведения для охраны себя от возможного несчастья в случае несоблюдения этих правил. Тем не менее он все-таки остерегается нарушения оберега и объясняет, что надо сделать и сказать, чтобы не случилось какой-то беды (например, быстро назвать имена 70 лысых знаковых).

В 1887 г. на Кольском полуострове появились первые коми-ижемцы⁵, пришедшие с Канина полуострова со своими стадами оленей и обосновавшиеся в Ловозерской тундре. По мнению И. Ф. Ушакова, они использовали новую, рациональную систему оленеводства, научившись ей в свое время от ненцев, а саамы, в свою очередь, переняли от коми-ижемцев их навыки оленеводства [Ушаков 1988: 134]. В этой связи стоит напомнить, что в свое время В. Иславин (1847 г.) негодовал по поводу коми-ижемцев, которые пасли стада оленей, не считаясь с тем, что надо давать «отдых» пастбищам, как это делали в свое время ненцы до появления на их территории ижемцев. Ненцы утрачивали возможность кормить своих оленей круглый год, поскольку коми-ижемцы фактически мешали ненцам сохранять пастбища в отличном состоянии круглый год, давая отдых мхам. Вот как это описывает сам В. Иславин: ижемцы, «имея еще немного оленей, которых пасли на чужой земле, покрытой превосходным белым мхом, не брали больших предосторожностей, а становились для рыбного промысла при озерах и реках неподалеку

⁵ Так называли коми-зырян, выходцев из с. Ижма и его округи в Печорском уезде. Первопоселенцев 1888 г. было четыре семьи. По переписи 1897 г. их числится 133 чел. В 1913 г. число зырян увеличилось до 374 чел. (ГАМО, Ф. 30-И, д. 108, л. 89).

от окраины лесов, и именно при тех местах, к которым самоеды летом боялись подходить, чтобы не отоптать мох и приберечь их к осени и к зиме» [Ушаков 1988: 52]. При увеличении стад к середине XIX в. «за исключением некоторых отдельных мест вовсе почти не стало мху на открытой тундре, а белый мох, раз выбитый, как полагают... не прежде вырастет, как по прошествии 30 лет. В результате ижемцы это и сами заметили, и переходят уже несколькими стадами из Большеземельской тундры за Уральский хребет к Сибирским осякам и в Тиманскую тундру, где больше всего сохранилось мху. Ижемцы присвоили себе большую часть самоедских оленей и пользовались тундрою не так, как самоеды, что привело к тому, что мох был вытопан. Ижемец быстро проходит по тундре, и то только в летнее время, когда олень охотно питается травой, как и мхом, к зиме же возвращается ближе к селам, где в лесах под снегом мху вдоволь, потому что летом никто в тех местах не кочует. Самоеду же тундра так же нужна зимою, как и летом... В тундре круглый год занимается различными промыслами, а когда возвращается к родовым промысловым местам своим, он находит, что они опустошены ижемцами» [Там же: 54].

Для саамов было характерно передвижение с севера на юг (т. е. движение по меридиану), а спустя несколько лет менялись места стойбищ при сохранении их прежних родовых названий. Не исключено также, что саамы действительно многому научились от коми-ижемцев.

* * *

Кочевые **ненцы** издавна контактируют с русскими и поселковыми ненцами. В 1847 г. Владимир Истомин свидетельствовал, что канинские и тиманские ненцы «так уже обрусели, что не только совершенно чисто говорят по-русски, иногда даже и между собою, но и приняли все оттенки русского характера. Язык их во многом отличен от языка Большеземельских Самоедов». Спустя сто с небольшим лет в большинстве районов наблюдалась сходная языковая ситуация при сильно меняющемся образе жизни. Например, в с. Красное, где на 1 января 1928 г. было всего лишь три хозяйства [Ненецкий АО: 110], в 1960-е гг. была открыта школа-десятилетка, первый выпуск которой состоялся в 1974 г. В этом селе в конце 1960-х гг. и взрослые, и дети говорили на родном языке. Однако к концу прошлого тысячелетия ситуация стала сильно меняться, о чем свидетельствуют следующие тревожные факты, типичные для большинства миноритарных народов.

Так, в том же селе Красное Ненецкого автономного округа в 2002 г. был проведен «круглый стол» на тему «Ненецкий язык: быть или забыть?», на котором говорилось о проблеме исчезновения ненецкого языка. Воспитатель школы-интерната С. А. Тайбарей нарисовала мрачную картину причин и процесса вымирания ненецкого языка: «Вымирание языка началось не сегодня, а много лет назад. Этот процесс я бы образно сравнила с книгой, у которой есть начало, к сожалению, есть конец, но нет середины. Процесс вымирания языка начался с приходом советской власти, хотя советская власть принесла ненцам много положительного, но были и отрицательные стороны. С приходом советской власти в тундре люди стали говорить на русском языке. И везде им твердили: “Надо говорить на русском языке, вы должны знать русский язык”, – но никто и никогда не говорил: “Не забывайте своего родного языка”. Когда мои девочки пошли в школу, я автоматически себе твердила: если они не будут знать русского языка, им будет тяжело, они будут закомплексованы, так как у меня в детстве в школе были проблемы. В итоге мои дети не знают родного языка. Как вернуть язык в семью – это настоящая проблема». Абсолютно то же самое и почти теми же словами можно услышать и от селькупов, живущих за Уралом. Впрочем, есть и другие мнения на этот счет: уезжая к родителям в тундру на лето, дети начинают говорить на родном языке (это само по себе является свидетельством того, что тундровые ненцы не утрачивают родной язык). Вернувшись осенью в школу, дети снова переходят на русский язык, забывая ненецкий. В старших классах ученики в большинстве своем сами отказываются от родного языка.

Не менее интересны и важны сведения, полученные при проведении опроса ненцев трех населенных пунктов с целью изучения проблемы востребованности родного языка ненцами, ведущими оседлый образ жизни и живущими в селах Несь, Красное и Андега. Оказалось, что

1) оседлый образ жизни и процессы ассимиляции приводят к выделению русского языка в качестве межнационального языка общения в многонациональных поселках;

2) среди опрошенного населения 70 % умеют читать и писать на родном языке, но школьники знают язык благодаря его изучению в школе на уроках, а в качестве языка общения используют его менее 20 %;

3) 62 % участников опроса считают, что сохранение ненецкого языка нужно лишь как сохранение элемента культуры ненецкого народа. Вместе с тем 13 % считает, что сегодня ненецкий язык не нужен совсем.

К концу XX в. в Ненецком АО была издана книга, статьи которой составлены на основе архивных документов Государственного архива Ненецкого АО и архивов предприятий, но одновременно книга была задумана как «попытка дать первичный источник пройденного и сделанного жителями округа, изложенный живыми участниками и свидетелями». Авторами описана история 40 населенных пунктов (в том числе уже исчезнувших), даны сведения геополитического, экономического и исторического характера. Иными словами, есть надежда, что намечается пробуждение национального самосознания, которое пытаются поддержать происходящими парламентскими слушаниями «О мерах по реализации целей Второго Международного десятилетия коренных народов мира в сферах народного образования и сохранения родных языков в районах проживания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (02.10.2008). Во что это выльется, покажет время.

* * *

Часть тундровых ненцев в былые времена, о чем говорилось ранее, осела в с. Колва, где живут **коми-ижемцы** и где в 1840-е гг. их язык записывал М. А. Кастрен. Как уже упоминалось выше, когда речь шла о взаимоотношениях лопарей с коми-ижемцами, продвинувшимися с востока на запад и осевшими (частично) среди саамов, отдельные группы коми-ижемцев, наоборот, переселились за Камень, как зовут Урал. Так, группа коми из Колвы переселилась в село Мужы за Урал, где жили (и живут) ханты и ненцы и несколько человек манси. Ненцы, которые жили в Колве в окружении коми, постепенно утратили свой язык, сохранив лишь песни. Со временем коми, переселившиеся за Уральские горы, стали преобладающим населением в с. Мужы, название которого – хантыйского происхождения (Мыжы – «живая вода»); появились смешанные браки, развился коми-ненецкий билингвизм при всеобщем знании русского языка.

Самосознание всех живущих в Мужах носителей разных языков сохраняется, как и владение родными языками, но в разной степени: молодые в большинстве своем перешли на русский язык, хотя родной не забыли. Дети дошкольного возраста, слыша дома коми или ненецкую речь, в какой-то мере используют родную речь, но, поступив в школу, быстро забывают и то, что знали. Это немудрено. Например, в селе Мужы фактически прекращено преподавание коми языка, которое еще недавно велось в младших классах (с 1994 до 2008 г.). При

этом коми являются преобладающим населением в селе (в 2008 г. их было 1336, русских 978, ханты 816, ненцев 85, манси 22, селькупов 4). Языки хантыйский, мансийский, ненецкий не используются в школьном преподавании, как и коми. О селькупском и говорить не приходится: селькупка-мать помнит лишь около 30 слов, дети не говорят совсем. Когда мать приезжает к родственникам в Ратту, младшая дочь начинает говорить, однако по возвращении в Муже все забывает. Несколько человек манси жалуются, что их дети категорически отказываются говорить на родном языке, в то время как одна из женщин манси, имея мужа украинца, до сих пор говорит по-мансийски с 2–3 односельчанками.

Ханты (особенно оленеводы, пасущие летом стада) используют родной язык, но с коми говорят по-русски. Естественно, что и коми язык начинает забываться: даже прекрасно знающие его нет-нет да забудут то или иное слово, что характерно не только для молодых, но порою и для людей старшего поколения. В речи молодых появляется все больше неологизмов: например, слово *визьлась* вытеснено словом *зерькало*. Коми язык пестрит заимствованиями из русского языка, слегка фонетически измененными.

В итоге можно сказать, что глобализация неминуемо ведет носителей малых языков (и не только малых: коми к ним не относится) к утрате родных языков. В предыдущие периоды к забвению своих языков толкала миграция народов, переселение их в другое окружение. Расшатывало при этом родной язык и влияние других диалектов и языков, стирание между ними граней. И то, и другое вело к появлению большого числа заимствований, ликвидирующих постепенно грани между языками. В настоящее же время лишь усилиями энтузиастов при поддержке начальствующих лиц и зарубежных сторонников сохранения языков малочисленных этносов осуществляются попытки задержать процесс исчезновения языков миноритарных народов России. Чем и, главное, когда это кончится, предсказать трудно.

* * *

На Крайнем Севере России, как известно, уральские народы тесно контактируют с русским, влияние которого на них велико. Но следует обратить внимание на то, что и сам русский язык на Севере, с одной стороны, немало заимствует слов из разных уральских языков, а с другой – имеет много диалектных различий. Примером одного из таких диалектов русского языка можно назвать язык поморов.

Поморы живут в районах Крайнего Севера Архангельской области и соседнего Ямало-Ненецкого АО и считают себя особым этносом, возражая против того, чтобы их называли русскими, что вызывает, в свою очередь, протест со стороны русских. Название *поморы* первоначально относилось только к русским крестьянам западного (поморского) берега Белого моря, как указывается в описании 1786 г. По свидетельству члена Петербургской академии ботаника А. И. Шренка, «по Мурманскому берегу называются поморами промышленники кемские и онежские, выходящие сюда весною чрез Терский полуостров для рыбной ловли» [Шренк: 1855]. Это были временные поселения (становища), которые пустовали после окончания промыслового сезона, но которые охранялись наемными сторожами – лопарями. Жители русского поселения Колы (Усть-Колы) при устьях рек Кола и Тулома (иначе – коляне) никогда поморами не считались. Зато к поморам относились крестьяне Терского берега и побережья Кандалакшского залива.

В последней трети XIX в. (1869 г.) небольшая часть поморов переселилась на Мурман и вошла в разряд колонистов, освобождаемых «от государственных податей, денежных и натуральных повинностей, призыва на военную службу» и имеющих ряд других льгот [Ушаков 1998: 135–139]. Одновременно на западном Мурмане поселилось 305 лютеран финнов (Финляндия входила в состав России) и 245 норвежцев в дополнение к 250 русским и карелам. В 1899 г. в 41 колонии Мурманского берега проживало, по сведениям И. Ф. Ушакова [1998: 138], 2153 чел. (436 семей, из них русских 125, финнов 178, карел 72, норвежцев 36, лопарей 20, шведов 3, эстонцев 1 и ненцев – одна семья). По мнению И. Ф. Ушакова, «поморы представляют собой этнографическую группу в составе русского народа, имеющую значительное своеобразие культуры, языка, психического склада, традиций» [Ушаков 2001: 207]. Тем не менее вплоть до настоящего времени (2008 г.) поморы не признают себя русскими, считая себя особым этносом.

В XIX в. происходило заселение русскими Канинской и Тиманской тундр, где испокон века жили ненцы. Никаких конфликтов с русскими не происходило. Русские занимались рыболовством (в торговых целях), ненцев же интересовало оленеводство, а рыбу ловили только для собственного питания. Русские, часто общаясь с ненцами и пользуясь их транспортными услугами, овладевали ненецким языком [Окладников 2006: 29].

* * *

Особую группу населения Крайнего Севера России составляют **евреи**, живущие в Архангельске и впервые появившиеся здесь, судя по архивным документам, в конце 1830-х гг. Их насчитывалось в городе в то время несколько десятков; подчинялись они военному ведомству. Это были солдаты, мастеровые и их семьи [Левин 2008: 10]. Автор книги о евреях в Архангельской губернии (в частности, об их занятиях, профессиях, образовании) приводит сведения о том, как «представления об уровне образования евреев в России, и сам этот уровень существенно менялись на протяжении XVIII и XIX веков» [Там же: 101]. В 1804 г. вышло «Положение о евреях», по которому им формально был открыт доступ во все учебные заведения, в том числе в школы с преподаванием на русском языке. Однако эти попытки наталкивались «на упорное сопротивление консервативной части еврейского населения, подозревающей в светском образовании опасность насильственной христианизации» [Там же: 102]. Даже в 1860–1870-е гг. были зафиксированы случаи, когда «из 12 взрослых мужчин восемь записаны неграмотными и на родном, и на русском языках. Четверо сказались грамотными по-еврейски, и из этих четверых лишь двое еще и по-русски» [Там же: 101]. Л. И. Левин пишет, что «прошения многих евреев старшего поколения не только написаны по-русски, но и подписаны за них по-еврейски другими людьми по просьбе просителей, неграмотных на обоих языках». Однако эти же 60-е гг. XIX в. Л. И. Левин называет «началом еврейской культурной революции в России», в результате которой евреи получили доступ к образованию вместе с русскоязычными гражданами, в том числе и на Крайнем Севере.

Рассмотрение (даже самое поверхностное) этноязыковой ситуации на Крайнем Севере европейской части России и в Зауралье, где «на смену» саамам-лопарям пришли ханты и манси, показывает, с одной стороны, относительно спокойное «скрещенье» многих разных этносов (в том числе и не уральских); с другой – обращает на себя внимание медленное угасание языков уральских и столь же медленный, но, судя по всему, неотвратимый переход на русский язык носителей других языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Алымов 1930а – *Алымов В. К.* Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // *Материалы комиссии экспедиционных исследований.* Вып. 23. Ленинград, 1930. С. 71–101.
- Алымов 1930б – *Алымов В. К.* Лопари. М., 1930.
- Вошинин 1939 – *Вошинин В. П.* Предисловие к «Географическому словарю Кольского полуострова». Т. 1. Ленинград, 1939.
- ГАМО – Государственный архив Мурманской области (а также Мурманский областной архив).
- Истомин 1847 – *Истомин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
- Керт 1993 – *Керт Г. М.* Саамский язык // *Уральские языки.* М., 1993. С. 134–148.
- Корольков 1908 – *Корольков Н. Ф.* Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб, 1908 (а также: «Основание Трифоно-Печенгского монастыря» и «Историко-топонимический очерк по территории “Петсамо”») [ГАМО. Ф. 810. Оп. 1. № 81].
- Левин 2008 – *Левин Л. И.* В Архангельске жили евреи. Архангельск, 2008.
- Надеждин 1837 – *Надеждин Н. И.* Опыт исторической географии русского мира. СПб., 1837.
- Немирович-Данченко 1877 – *Немирович-Данченко В. М.* Лапландия и лапландцы (публичная лекция 1875 г.) // *Страна и путевые встречи. Из поездки по Варангерь-Фьорду (Два рассказа из путешествия по земле Лопской. Северная Норвегия и ее промыслы).* СПб., 1877.
- Немирович-Данченко 1874 – *Немирович-Данченко В. М.* За Северным полярным кругом (озерки Мурманского берега) // *Отечественные Записки.* СПб., 1874. Т. ССХVI. Отд. V. С. 327–376.
- Ненецкий АО – Ненецкий автономный округ. Справочный материал по документам Ненецкого окружного государственного архива, ведомственных архивов и личных воспоминаний авторов статей (без места и года издания).
- Окладников 2006 – *Окладников Н. А.* Канинская и Тиманская тундры XVII – начала XX в. Архангельск, 2006.
- Ушаков 1998 – *Ушаков И. Ф.* Избранные произведения. Т. 2. Кольский Север в досоветское время. Мурманск, 1998.
- Ушаков 2001 – *Ушаков И. Ф.* Кольский Север в досоветское время. Историко-краеведческий словарь. Мурманск, 2001.
- Шренк 1855 – *Шренк А.* Путешествие к северо-востоку европейской России через тундры самоедов к Северным уральским горам. СПб., 1855.